

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ.

ОБЪЯСНЕНІЯ

къ

ПРОЕКТУ РЕДАКЦИОННОЙ КОММИСИИ.

Томъ VII.

Главы 28—34.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Повреждение имущества, путей сообщения, знаков или иных предметов.

Простейшую форму имущественных посягательств составляет повреждение имущества, заключающееся въ уменьшении сферы чужаго имущественнаго обладанія дѣйствіемъ, направленнымъ противъ какой либо физической вещи (*res in corpore*), но безъ цѣли захвата этой вещи въ имущественную сферу виновнаго. По связи предметовъ и въ видахъ кодификаціоннаго удобства, здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду такую повреждающую дѣятельность и при направленіи ея на предметы, не составляющіе имущества въ строгомъ смыслѣ слова, каковы пути сообщенія, знаки граничныя, межевыя и т. под.

Изъ такого понятія поврежденія имущества вытекаетъ главный, отличающій это посягательство отъ прочихъ преступленій и проступковъ противъ имущественныхъ благъ, признакъ, указывающій, съ одной стороны, на положительное свойство поврежденія—наличность разрушительныхъ стремленій виновнаго, которыя выражаются въ уничтоженіи, полностью или частью, какой либо имущественной цѣнности, а съ другой стороны, на его отрицательный характеръ—отсутствіе цѣли захвата, корыстныхъ побужденій въ дѣйствіяхъ виновнаго.

Въ виду этого отсутствія цѣли захвата, дѣлающей корыстныя имущественныя посягательства крайне опасными для общегитія, въ исторіи права наблюдается весьма позднее появленіе имущественнаго поврежденія какъ общаго уголовно-юридическаго понятія; только самые тяжкіе случаи его, когда дѣятель обращается къ общепаснымъ силамъ, преимущественно къ огню, первоначально вызываютъ уголовную угрозу.

Древнія законодательства, напр., римское право, вовсе не предусматривали поврежденія имущества вообще въ числѣ дѣяній уголовно-наказуемыхъ, ограничиваясь по отношенію къ виновнымъ въ этомъ посягательствѣ мѣрами гражданско-правовыми, именно предоставленіемъ потерпѣвшему иска о вознагражденіи за причиненный вредъ (*actio Aquilii*), и только въ тѣхъ случаяхъ, когда къ моменту имущественнаго вреда присоединился дополнительный признакъ посягательства на блага личныя или на интересы

общественные (*crimen vis privatum vel publicum*), напр. въ случаяхъ общеповрежденія, подвергали виновнаго уголовному наказанію. Подобная система наказуемости поврежденій лишь по изъятію была принята и во многихъ нѣмецкихъ партикулярныхъ кодексахъ—баварскомъ 1813, ганноверскомъ 1840, баденскомъ 1845, саксонскомъ 1855 гг., опредѣлявшихъ отвѣтственность лишь за такое поврежденіе чужаго имущества, которое или нарушало общественную безопасность, или же вызывалось мотивами злобы или мести. Наконецъ, остатки этой системы сохранились до настоящаго времени въ законодательствѣ Великобританіи, согласно постановленіямъ коего (an act to amend the statute law of England and Ireland relating to malicious injuries to property, 24 and 25 Victoria, с. 97) поврежденіе имущества безъ квалифицирующихъ обстоятельствъ признается безусловно наказуемымъ, если стоимость поврежденнаго превышаетъ пять фунтовъ стерлинговъ, а въ противномъ случаѣ судъ можетъ приговорить виновнаго къ одной лишь уплатѣ вознагражденія за причиненный вредъ.

Но англійское законодательство является нынѣ единственнымъ изъ западно-европейскихъ, ограничивающимъ понятіе уголовно-наказуемаго поврежденія имущества: кодексы всѣхъ прочихъ иностранныхъ государствъ признаютъ это посягательство наказуемымъ безотносительно къ характеру дѣянія виновнаго, мотивамъ его дѣятельности и стоимости поврежденнаго предмета (code pénal, art. 479, № 1; бельг. ул., art. 559, № 1; герм.—§ 303; венгерск.—§ 418; нидерландск.—§ 350).

Постепенное развитіе понятія преступнаго поврежденія имущества замѣчается и въ нашемъ правѣ. Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича признавало уголовно-наказуемымъ лишь одинъ изъ видовъ этого дѣянія—зажигательство (гл. X, ст. 228), причемъ, однако, и нѣкоторые случаи поджога были отнесены по Уложенію къ числу правонарушеній, влекущихъ только вознагражденіе за причиненный вредъ, напр. поджогъ нивъ и лѣса (гл. X, ст. 223, 224). Но послѣдующими, второй половины XVII столѣтія, указами (25 Мая 1654, 8 Авг. 1659, 2 Март. 1683, 24 Июл. 1699 гг.), а затѣмъ уставами Императора Петра Великаго воинскимъ 1716 г. (арт. 87, 178, 181) и морскимъ 1720 г. (кн. V, ст. 46, 47) и, въ особенности, специальнымъ указомъ 30 Сентября 1737 г. «о порядкѣ доносовъ и производства изслѣдованія о зажигателяхъ и о казняхъ какъ самихъ зажигателей и сообщниковъ ихъ, такъ и тѣхъ, которые, вѣдая о намѣреніи ихъ, не донесутъ или похваляются такимъ злодѣйствомъ, хотя бы и не совершили онаго» (П. С. З., 7370), преступность поджога всякаго имущества чужаго была окончательно установлена и Сводѣ Законовъ, въ ст. 799 тома XV (изд. 1842 г.), опредѣляя общее правило о томъ, что «умышленное зажигательство подвергается

виновнаго лишенію всёхъ правъ состоянія, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу». Карательное постановленіе это и дополнительныя къ нему статьи 800—803 о соучастникахъ при поджогѣ, объ учиненіи пожара по неосторожности и т. д., составляли въ сводѣ законовъ уголовныхъ особую главу «о зажигательствѣ», раздѣла X (о наказаніяхъ за преступленія противъ правъ на имущество), каковая глава и послужила основаніемъ для отдѣленія 1-го, носящаго то же наименованіе, главы 2-й раздѣла XII уложенія о наказаніяхъ 1845 г.

Составители уложенія не признали, однако, возможнымъ ограничиться наказуемостью одного лишь поджога чужаго имущества. По этому предмету въ объяснительной къ проекту уложенія запискѣ было выражено слѣдующее: 1) «къ числу весьма опасныхъ средствъ истребленія или поврежденія чужой собственности принадлежить также и заливаніе оной водою; въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ особыхъ о семъ правилъ . . . , а потому мы признали нужнымъ предначертать подробныя правила о наказаніи за разные виды сего преступленія, принимая для сего въ соображеніе нѣкоторыя изъ постановленій законодательствъ иностранныхъ», и 2) «согласно съ Высочайше утвержденнымъ общимъ планомъ новаго уложенія, въ сей главѣ (2-й разд. XII) должны быть помѣщены всякаго рода истребленія или поврежденія чужаго имущества», а потому «описавъ въ предшедшихъ статьяхъ зажигательство, взрывъ пороховъ или газомъ и заливаніе водою, надлежитъ опредѣлить наказаніе и за поврежденіе или истребленіе чужой собственности другими средствами», каковыя средства «столь многообразны, что исчисленіе и наименованіе оныхъ было бы невозможно». Руководствуясь сими соображеніями, составители уложенія 1845 г. дополнили упомянутый выше отдѣлъ о зажигательствѣ второю группою правилъ «о истребленіи и поврежденіи чужаго имущества взрывомъ пороха, газа или иного удобовоспламеняющагося вещества, или же инымъ образомъ» (отдѣленіе 2-е), соединивъ ихъ въ одной общей главѣ—2-й раздѣла XII—подъ общимъ наименованіемъ «о истребленіи и поврежденіи чужаго имущества» и съ общимъ постановленіемъ объ отвѣтственности за «умышленное разрушеніе или поврежденіе чужихъ строеній, кораблей или судовъ, или же лѣсовъ, садовъ, огородовъ и т. п. какими бы то ни было средствами», а равно за «всякое съ умысломъ истребленіе или поврежденіе чужаго движимаго имущества» (ст. 2122, 2123).

Это же широкое понятіе уголовно-наказуемаго имущественнаго поврежденія сохранено было и при пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ въ 1864—1865 гг., причемъ постановленіе ст. 2123 уложенія 1845 г. (ст. 2202 изд. 1857 г.) о поврежденіи движимости перенесено въ уставъ

*